

ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК IV ВЕКА ГЕЛАСИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

И. Ю. ВАЩЕВА

*Нижегородский
государственный
университет*

e-mail: vasheva@mail.ru

Статья призвана привлечь внимание к фигуре единственного известного сегодня церковного историка IV века Геласия Кесарийского, первого по времени продолжателя Евсевия Кесарийского. Само имя Геласия, как и его произведения, мало изучены в отечественной и в зарубежной историографии. Между тем изучение его «Церковной истории» в сравнении с аналогичными сочинениями и в качестве составной части единого феномена, вносит определенные коррективы в традиционные представления о церковных историях поздней античности.

Ключевые слова: церковные истории, ранняя Византия, поздняя античность, исторические представления, историография, Средиземноморский мир IV–VII вв.

Геласий Кесарийский – один из малоизвестных авторов в линии церковных историков IV–VII веков. Его имя и произведения практически не встречаются в отечественной историографии, а в зарубежной исторической науке его творчества касаются всего несколько небольших статей. Между тем, это единственный известный на сегодняшний день церковный историк IV века, первый по времени продолжатель Евсевия Кесарийского.

О личности и биографии данного автора известно крайне мало. Пожалуй, единственным источником информации о жизни и творчестве Геласия являются не очень ясные упоминания о нем в «Библиотеке» патриарха Фотия¹. По справедливому замечанию исследователей, эта информация весьма скудна и часто противоречива, что открывает возможность для различных интерпретаций². На протяжении XX в. неоднократно предпринимались попытки реконструировать биографию Геласия, однако многие вопросы до сих пор не получили своего разрешения, поскольку имеющиеся источники дают слишком мало информации. Известно, что он был епископом Кесарии Палестинской, вторым наследником Евсевия Кесарийского на этом посту после Акакия, его непосредственного ученика. Феодорит Киррский называет Геласия «мужем замечательным по чистоте своего учения и святости жизни» (Hist. Eccles. V.8). Будучи преданным защитником Никейского символа веры, он был избран епископом Кесарии в 367 г., затем изгнан в правление императора Валента³, и возвращен только в 379 г., после прихода к власти Феодосия I. Известно также, что он присутствовал на Втором вселенском соборе в Константинополе в 381 г. и на Синоде 394 г. Вскоре после этого, по мнению некоторых исследователей, он умирает или оставляет свою карьеру епископа. По крайней мере, после 395 г. в источниках нет никаких следов его деятельности⁴. Позднее было принято мнение о более поздней дате его кончины, поскольку его непосредственный преемник на епископском престоле, Евлогий, упоминается в источниках, только начиная с 400 г.⁵ В любом случае очевидно, что Геласий Кесарийский являлся весьма заметной фигурой в религиозной и политической жизни Византийской империи 2-й половины IV в.

¹ Photius. Bibliotheca. Cod. 88, 89 // Photius. Bibliotheca, II (Codices 84-185). Ed. by R. Henry / Collection Byzantine. Paris, 1960.

² Van Deun P. The Church Historians after Eusebius // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D. Ed. by G. Marasco. Leiden, 2003. P. 153.

³ Неизвестно, по собственной воле или по принуждению, он провел несколько лет в Египте. Подробнее см.: Van Deun P. Op. cit. P. 153-154.

⁴ Glas A. Die Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia. Die Vorlage für die beiden letzten Bücher der Kirchengeschichte Rufinus // Byzantinische Archiv. Bd. 6. Leipzig, 1914. S. 3-10.

⁵ Подробнее см.: Winkelmann Fr. Untersuchungen zur Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia // Sitzungsberichte der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. 1965. Bd. 3 (Berlin, 1966). S. 71-72. Schamp J. Gelase ou Rufin: un fait nouveau. Sur de fragments oubliés de Gelase de Cesaree (CPG, № 3521) // Byzantion. Vol. 57. 1987. P. 370-371.

Относительно литературной деятельности Геласия Кесарийского Фотий сообщает не так уж много. Как следует из довольно противоречивых сообщений «Библиотеки», Геласий был автором нескольких теологических работ, среди которых упоминается трактат «Κατὰ Ἀνομαίῳν» (*Contra Anomaeos*). Данный трактат, очевидно, был связан с теологическими спорами конца IV в. и имел целью опровержение арианской ереси. Различные флорилегии ранневизантийской эпохи сохранили некоторые фрагменты этого сочинения Геласия, однако его полный текст не сохранился⁶. Питер Ван Деун склонен объяснять данную ситуацию «довольно бесцветным характером Геласия как теолога»⁷, а также тем, что современники не восприняли это труд как особо ценный и значительный. Однако данный аргумент не кажется нам очень убедительным, поскольку известны и другие примеры произведений, сохранившиеся в малом количестве рукописей или даже восстановленные исследователями по эксцерптам у позднейших писателей, которые в свое время были весьма популярны. Например, «Всемирная хроника» Иоанна Малалы, «наиболее выдающееся произведение ранневизантийской хронографии»⁸, также сохранилось лишь в единственной рукописи позднего происхождения, и полный текст данного сочинения восстанавливался по фрагментам, рассыпанным по другим произведениям⁹.

К тому же, вряд ли можно сказать, что современники воспринимали Геласия Кесарийского как весьма «бесцветного» автора, поскольку Блаженный Иероним посвятил ему целый раздел в своем трактате *De viris illustribus* (130), где не только упоминает его среди замечательных людей своего времени, но и сообщает, что он писал довольно хорошим стилем, хотя и не публиковал своих работ. Некоторые из его сочинений, очевидно, все же имели хождение, поскольку многие более поздние христианские авторы, такие как Феодорит, Леонтий Византийский, составитель богословского трактата *Doctrina Patrum* и др., не только упоминают его имя, но и приводят многочисленные цитаты из его работ¹⁰. Таким образом, несмотря на плохую сохранность сочинений Геласия, все же можно сказать, что он представлял собой весьма заметную фигуру в церковно-исторической традиции своего времени.

Из сообщения Фотия известно, что Геласий написал продолжение «Церковной истории» Евсевия Кесарийского и предпринял этот труд по просьбе и инициативе своего дяди Кирилла, епископа Иерусалимского. Согласно Фотию, Геласий разделил свою «Церковную историю» на три части (τόμοι) и особое внимание уделил описанию первого вселенского собора в Никее, ключевых фигур на данном соборе, осуждению Ария и его кончине. Точное название данной работы не известно. Сам Фотий дает два варианта. В *cod. 89* в качестве названия работы он называет «Предисловие епископа Кесарии Палестинской к Продолжению «Истории» Евсевия Памфила», а в *cod. 88* называет ее просто «три книги Церковной истории Геласия, епископа Кесарии Палестинской»¹¹.

До начала XX в. считалось, что труд этот безвозвратно утрачен, поскольку до нашего времени не дошел ни один манускрипт с текстом этого сочинения. Однако немецкие исследователи (А. Глас, П. Хезлер и Ф. Шайдвайлер), обнаружив, что позд-

⁶ Изданные фрагменты сочинения Геласия см.: Diekamp F. *Gelasius von Caesarea in Palestina: Analecta Patristica / Ser. Orientalia Christiana Analecta*, 117. Rome, 1938. P. 42–49.

⁷ Van Deun P. *The Church Historians...* P. 154.

⁸ Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // *Культура Византии IV - первой половины VII в. М.*, 1984. С. 246.

⁹ Подробнее см.: Krumbacher K. *Geschichte der Byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des ostromischen Reiches (527-1453)*. Munchen, 1897. S. 329–330. Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // *Культура Византии*. Т. 1. С. 243–244. Самуткина Л.А. Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново, 2001.

¹⁰ Некоторые из этих фрагментов опубликованы. См.: Diekamp F. *Gelasius von Caesarea in Palestina: Analecta Patristica / Ser. Orientalia Christiana Analecta*, 117. Rome, 1938. P. 42–49.

¹¹ Сообщения Фотия вызывают некоторое недоумение и путаницу, поскольку весь раздел 88 посвящен Геласию Кизийскому. В результате имена и сочинения Геласия Кесарийского и Геласия Кизийского очень часто путают.

ние церковные историки часто использовали «Историю» Геласия, выдвинули предположение о возможности восстановить полный текст сочинения Геласия, хотя и не дословно, на основании эксцерптов у более поздних авторов. Выдающийся современный немецкий исследователь Фр. Винкельман посвятил реконструкции текста «Церковной истории» Геласия Кесарийского всю свою жизнь¹².

Ценность и значение труда Геласия Кесарийского традиционно определяется исследователями исключительно с точки зрения фактической информации, которую оно могло бы дать. В частности, признается важность «Истории» Геласия как уникального свидетельства современника и очевидца арианских споров IV в. Кроме него, такими же по важности свидетельствами, материалом из первых рук, являются, пожалуй, только несколько документов и работы Афанасия Александрийского. Для историков V в., рассказывающих об этих спорах, это была уже история.

Тем не менее, «История» Геласия изучена намного хуже других греческих «Церковных историй» ранней Византии, прежде всего, из-за трудностей, связанных с реконструкцией утраченного текста. Еще одной вероятной причиной такого положения является не слишком высокая оценка данного труда Фотием, а вслед за ним и многими современными историками.

Геласий избегает рассказов о перипетиях теологических споров и его опровержение ариан выглядит довольно мягким. Очевидно, что вся работа написана с точки зрения сторонника Никейского символа веры. Однако, учитывая, что он был епископом Кесарии Палестинской, автором многих других сочинений в защиту православия, можно было ожидать от него более резких суждений и более враждебного отношения к арианам как к врагам истинной церкви. Однако, Геласий как будто сознательно избегает слишком сильных обвинений в адрес ариан, пишет о них довольно сдержанно, и часто называет их просто философами, ставя на одну ступень с язычниками.

Стиль и литературные особенности «Истории» Геласия как литературного произведения оценить довольно сложно, поскольку в распоряжении исследователей нет оригинала. Рассматривая же его работу как образец исторического сочинения, современные ученые, как правило, оценивают его не слишком высоко¹³ и приводят довольно стандартный набор недостатков, характерный и для многих других церковных историков.

Прежде всего, как и его предшественник Евсевий Кесарийский, и многие последователи, он использует множество официальных документов, что должно служить подтверждением объективности и достоверности информации, приводимой Геласием. В то же время, как и в случае с остальными церковными историками поздней античности, исследователи отмечают тенденцию к искажению реальной исторической действительности, что проявляется, например, в идеализации императора Константина.

В данном случае трудно обвинять Геласия в намеренном искажении действительности с целью польстить правящему императору, снискать его расположение, добиться почестей или каких-либо материальных благ, поскольку император Константин был давно мертв. Ни Валента, ни Феодосия I, современных ему императоров, Геласий не касается. Однако, описывая правление императора Константина, он говорит

¹² Winkelmann Fr. Charakter und Bedeutung der Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia // Byzantinische Forschungen. Bd. 1, 1966. S. 346–385. Winkelmann Fr. Die Quellen der Historia Ecclesiastica des Gelasios von Cyzicus (nach 475). Ein Beitrag zur Rekonstruktion der Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia // Byzantinoslavica. Bd. 27. 1966. S. 104–130. Winkelmann Fr. Untersuchungen zur Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia // Sitzungsberichte der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. 1965. Bd. 3 (Berlin, 1966). Winkelmann Fr. Zu einer Edition der Fragmente der Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia // Byzantinoslavica. Bd. 34. 1973. Winkelmann Fr. Das Problem der Reconstruction der Historia Ecclesiastica des Gelasios von Caesarea // Forschungen und Fortschritte. Bd. 10. 1964. S. 311–314. Winkelmann Fr. Zu nacheusebianischen christlichen Historiographie des 4. Jahrhunderts // Πολύτιμος νομός. Miscellanea für P. Schreiner. Byzantisches Archiv. Bd. 19. Leipzig, 2000. S. 408–414.

¹³ См., например, какую оценку дает Питер Ван Деун: “All in all Gelasius’ HE is not a masterpiece” (P. van Deun. Op. cit. P. 160).

о нем с явным благоговением и пиететом. В его представлении Константин является идеалом христианского императора, а его империя – прибежищем для тех, кто действительно хочет посвятить себя богу. Его вера и помыслы безупречны, он лишен каких-либо недостатков, главная черта, отличающая его правление – милосивость. При этом Геласий – не единственный автор в длинной цепи церковных историков, который пытается найти пример идеального императора. Здесь он также идет по стопам Евсевия.

Еще один упрек в адрес Геласия Кесарийского касается недостатка рационализма в его «Истории». Его «Церковную историю» рассматривают как образец благочестивой литературы. Поэтому не удивительно, что его повествование украшают многочисленные рассказы о чудесах. Каждая страница свидетельствует о сильной вере в Бога и чудодейственной божественной мощи¹⁴. Но и эта черта не является специфической особенностью именно данного автора, а характерна для многих церковно-исторических произведений IV–VII вв., и даже для произведений светского характера, как, например, для работ Прокопия Кесарийского¹⁵. Таким образом, вера в чудеса и в божественную силу Провидения, очевидно, была не только атрибутом христианских историй, но общей чертой того времени, особым свойством ментальности поздней античности.

Предисловие и обоснование целей работы также выглядят довольно стандартно. Как отмечает Фотий, «История» имеет *обычное* начало, в котором автор говорит о том, что желает сохранить для потомков запись исторических событий, имевших место в его время¹⁶. Однако, современные исследователи не склонны верить таким заявлениям автора и, по аналогии с современной публицистикой, ищут скрытые цели создания исторического произведения. В результате, несмотря на вполне стандартное предисловие, цели создания автором его «Истории» до сих пор не определены. Очевидно лишь то, что данное произведение писалось не для прославления правящего императора и не для того, чтобы польстить ему. Также очевидно, что данное произведение предназначалось не для широкой публики (Иероним сообщает даже, что он вовсе не публиковал своих работ), и соответственно не могло служить целям пропаганды истинного учения или правильного образа мыслей. Кроме того, либеральность автора в религиозных вопросах и его толерантность к еретикам и, в частности, к арианам, заставляет думать, что данное произведение не имело цели борьбы или опровержения другого вероучения и враждебной доктрины. Впрочем, и это обстоятельство во многом роднит сочинение Геласия Кесарийского с комплексом церковных историй поздней античности, истинные цели и предназначение которых активно обсуждаются в современной историографии.

Итак, «Церковная история» Геласия Кесарийского обнаруживает много общего с аналогичными сочинениями, признанными классическими образцами жанра церковных историй, и предстает частью единого феномена. Очевидно, что указанный выше набор специфических особенностей и «недостатков» сочинения Геласия не являлись результатом недостатка его образования или нехватки писательского или исследовательского таланта автора, как иногда отмечают¹⁷, но были характерными чертами, присущими в значительной степени всем «Церковным историям» поздней античности.

В то же время, данное сочинение вносит некоторые поправки в общую картину. Во-первых, создано это произведение было не в Константинополе, а в Кесарии, и никоим образом не было связано со столицей. Учитывая, что сочинения Евсевия Ке-

¹⁴ van Deun P. Op. cit. P. 159.

¹⁵ Подробнее см.: Cameron Averil. Procopius and the sixth century. London-New York, 1985; Kaldellis A. Procopius of Caesarea: tyranny, history and philosophy at the end of antiquity. Philadelphia, 2004. См. также: Cracco Ruggini L. The Ecclesiastical Histories and the Pagan Historiography: Providence and miracles // Athenaeum. Vol. 55. 1977. P. 107–126.

¹⁶ Photius. Bibliotheca. Cod. 89.

¹⁷ van Deun P. Op. cit. P. 159.

сарийского и Евагрия также мало были связаны со столицей империи, мнение о том, что церковные истории были неким столичным феноменом, уже выглядит не столь основательным и бесспорным. Во-вторых, данное сочинение обнаруживает тесные связи с аналогичным сочинением Руфина Аквилейского, написанным в Западной Европе и на латинском языке. В связи с этим, возникают определенные сомнения и в том, что «церковные истории» были исключительно греческим феноменом, как это принято считать в настоящее время¹⁸. В-третьих, цели написания данного произведения оказываются не вполне очевидными, однако выяснение их оказывается важной задачей для понимания смысла феномена церковных историй. Таким образом, включение данного источника в круг «Церковных историй» IV–VII вв. несколько меняет общепринятую картину и заставляет вновь обратиться к осмыслению данного культурно-исторического феномена.

CHURCH HISTORIAN OF IV CENTURY A.D. GELASIVS OF CAESAREA

I. Yu. VASHEVA

*Nizny Novgorod State
University*

e-mail: vasheva@mail.ru

This article tries to attract scholars' interest to the work of the only known today church historian of the IV century – Gelasius of Caesarea, the first continuator of Eusebius of Caesarea. His name itself, as well as his work, are practically unknown in a modern historiography. Nevertheless the study of his «Church History» in comparison with other works of that genre and as a part of the united phenomenon makes some amendments into our traditional account of Church histories of Late Antiquity.

Key words: church histories, early Byzantium, Late Antiquity, historical views, historiography, Mediterranean world of the IV–VIIth centuries.

¹⁸ Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография... С. 227. Winkelmann F. Die Kirchengeschichtswerke im ostromischen Reich // Byzantinoslavica. Vol. 37. 1976. S. 183 – 184.